

Смысловой сдвиг в семантике иронического высказывания: сема имплицитной негативной оценки

Заврумов З. А.

Заврумов Заур Асланович / Zavrumov Zaur Aslanovich – кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной работе и развитию интеллектуального потенциала университета, Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск

Аннотация: в статье анализируется проблема выявления имплицитной семантической многомерности, присущей художественному тексту. Посредством текста передается гораздо больший объем значений, чем выражено в прямых и переносных значениях лексических и синтаксических единиц. В этом отношении исследование иронии характеризуется актуальностью и значительным эвристическим потенциалом.

Ключевые слова: ирония, имплицитная информация, контекст, семантическая многомерность, дискурс, художественный текст.

Выявление имплицитной информации в координатах изучения иронии становится важным исследовательским инструментом. Дифференцирование информации на эксплицитную и имплицитную основано на постулате Ф. де Соссюра о двойственности языкового знака: любая языковая единица характеризуется наличием плана выражения (материальной формы) и плана содержания (означающее и означаемое в определенных соотношениях, фиксируемых языком). Несоответствие означающего конкретному означаемому способствует продуцированию имплицитной информации.

В ироническом высказывании представлены одновременно позитивная и негативная оценки, которые и детерминируют, соответственно, их экспликацию и имплицитность, а ироническая интенция определяется степенью проявления противоречия между вербализованным и подразумеваемым. Имплицитная информация, представленная в тексте / дискурсе комплексно, описывается посредством термина подтекст, под которым понимается «внутренний, подразумеваемый, словесно не выраженный смысл высказывания, текста» [2, с. 331]. Взаимодействие семантики лексических и текстовых единиц определяет характер подтекста, реализующегося в целом на уровне сверхфразовых единств. Импликационал подтекста не во всех случаях может быть в полной мере, без коммуникативных потерь воспринят и оценен адресатом.

Иронический подтекст, содержащий имплицитную информацию, не может быть воспринят вне контекста как минимального маркера семантического пространства имплицитного элемента дискурса / текста. Тесное взаимодействие горизонтального контекста как дискурсивного употребления языковой единицы, детерминированного сугубо лингвистическими факторами, и вертикального контекста – исторических и филологических координат существования данного художественного текста позволяет воспринимать информацию полноценно. Сложность иронии обуславливается широтой контекста, который необходим для декодирования иронии.

Для выделения языковой и речевой иронии принципиальным становится критерий контекста. Так, для языковой иронии необходим минимальный контекст либо вовсе его отсутствие при наличии языковой компетенции носителя языка, т.к. языковая ирония может быть реализована в случае закрепления иронической семантики в общем значении слова и фиксирования её словарями (с пометой ирон.). Возможности речевой иронии связаны со степенью «погруженности» адресата в контекст высказывания: её маркером является референтность иронического высказывания как его соотнесение с действительностью. Как частный случай речевой иронии может быть квалифицирована индивидуально-авторская ирония, реализующая эстетическую функцию, структурирующая текст / дискурс.

Именно мировосприятие коммуникантов, отраженное ментально в виде культурно-исторической информации, социокультурных норм, индивидуальных характеристик самих коммуникантов определяет когнитивный потенциал иронии, а успешность иронической коммуникации детерминирована во многом осуществлением конвенционального характера отношений адресата и адресанта.

Иронический дискурс как некая трансформация нейтрального дискурса способна обнаружить нормированность и конвенциональность моделей построения когнитивной иронии. Именно вертикальный контекст становится определяющим фактором для углубления когнитивного потенциала иронии в художественном тексте: эта система норм и правил отражения и рецепции фактов окружающей действительности функционирует на ментальном уровне, что способствует экспликации иронии на структурно-семантическом и прагматическом уровнях посредством различных когнитивных моделей, прежде всего, логических противоречий. Стилистическая и прагматическая функции иронии, тем не менее, в художественном тексте и дискурсе очевидны: посредством иронических актов автор объективирует своё отношение к персонажам, их сюжетным отношениям, сообщая всем этим

художественным уровням дополнительную коннотацию и обозначая отношение к самому себе и миру, реальному и художественному.

Экспликация аксиологического компонента правил поведения и социальных норм в целом может быть адекватно реализована посредством иронического дискурса, который осуществляет также текстообразующую функцию. Для феномена иронии тем уровнем, на котором она наиболее полно манифестирована, становится структурно-семантический.

Дискурсивной формой репрезентации иронии выступает иронический акт, в ходе которого осуществляется вербализация мировоззренческой позиции субъекта иронии, его картины мира, а также её восприятие адресатом. Характер иронического акта детерминирован теми интенциями, которые являются определяющими для его продуцента: он становится либо интерпретирующим [15], либо иронизирующим [14]. Безусловно, ирония в художественном тексте представляет собой элемент мировоззрения автора. Так, А. В. Кузнецова подчеркивает: «Общеизвестный тезис о том, что художественный текст не всегда предполагает в качестве отправной точки повествования факты действительности, но образует осмысляющую их художественную реальность, обуславливает изучение художественного текста в когнитивной парадигме как эстетически мотивированной модели действительности и вербального воплощения когнитивных компонентов концептосистемы создателя, а также как репрезентации структуры и типа сознания автора» [10, с. 155].

Ирония характеризуется трехуровневым комплексом средств репрезентации, выбор которых зависит от коммуникативной ситуации:

1) паралингвистические средства представлены кинесикой (жесты, мимика, пантомимика) и интонацией (мелодика речи, тембр, паузиторика, ударение). Для иронического дискурса приоритетным является именно вербально-паралингвистический характер средств выражения иронии: посредством вербального канала транслируется закодированная информация / псевдоинформация о скрытом значении, паралингвистический передает код подразумеваемого смысла. Паралингвистические средства как маркеры рациональной информации сохраняют своё влияние в сфере разговорной речи, используя для экспликации ценностных установок, оценок и эмоциональности;

2) лингвистические, большей частью стилистические или лексические, средства: стилевое контаминирование, изобразительно-выразительные средства (прежде всего, эпитеты), лексика разноуровневой принадлежности (например, неологизмы и архаизмы), сказовые формы повествования, которые, в случае неуверенности субъекта иронии в том, что адресат владеет информацией, зачастую подкреплены паралингвистическими средствами; в) художественный текст, в котором коммуникативный процесс опосредован, использует специфические средства манифестирования иронии – авторские указания, ремарки, кавычки, курсив, пародия и каламбур.

Выражение иронии детерминировано комплексом факторов, среди которых следует выделить субъективное и объективное соотношение ценностных потенциалов объекта и субъекта иронии, нравственную меру и контекст, характер взаимоотношений и социальный статус участников иронической коммуникации, этические и лингвориторические цели и задачи. Особенно значима для реализации иронии роль контекста, который может быть широким и узким. Именно информированность реципиента о контексте представляет собой основное условие коммуникативной успешности иронии. Подчеркнем также, что, если во внимание не принят лингвокультурный и/или социально-исторический контексты, ирония также не достигает своей цели.

Новые направления в изучении иронии обозначают два ракурса в её понимании – ирония как стилистический приём и как результат синтеза разноуровневых средств в осуществлении эстетической когниции [3; 4; 5; 6; 7; 8; 11; 12; 13]. Особый акцент делается на текстовом уровне реализации иронии, который предполагает взаимодействие лексических и грамматических средств, текстообразующих факторов и текстовых категорий, в конечном счете, формирующих основные композиционные доминанты художественного текста.

Специфические отношения, наблюдаемые в структуре языкового знака, отражают корреляции плана содержания и плана выражения, которые характеризуются определенной автономностью форм и значений. Функциональный и содержательный планы языка не конгруэнтны, что детерминировано «асимметричным дуализмом лингвистического знака» [9, с. 81]. Исследователи отмечают в этой связи, что «полифункциональность плана выражения и омонимия единиц плана содержания основывается на отсутствии соответствия между более емким и многочисленным по структурной организации планом содержания и более простым, и меньшим по числу единиц планом выражения» [1, с. 89].

Литература

1. *Азнаурова Э. С.* Стилистический аспект номинации словом, как единицей речи // *Языковая номинация. Виды наименований.* М., 1977. С. 86-128.

2. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
3. *Вишневская В. Д.* К вопросу о статусе иронии. Языковые средства выражения // Мир культуры: теория и феномены. Пенза, 2002. Вып. 2. С. 21-24.
4. *Ермакова О. П.* Ирония и словообразование // Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. London-Hamburg: Münster, 2002. S. 403-412.
5. *Иванова О. В.* Ирония как стилеобразующее начало в романе Ф.Сологуба «Мелкий бес». Дис... канд. филол. н. М., 2000. 200 с.
6. *Казиева А. М., Шевель Е. А.* Тенденции интерпретирования и дефинирования понятия «ирония» в художественном тексте // В мире научных открытий, 2015. № 11.2 (71). С. 999-1005.
7. *Казиева А. М.* К вопросу о диалектической взаимозависимости и взаимовлиянии между ментальностью и языком // Гуманитарные исследования, 2012. № 2. С. 69-73.
8. *Каменская Ю. В.* Ирония как компонент идиостиля А. П. Чехова. Дис... канд. филол. н. Саратов, 2001. 170 с.
9. *Карцевский С. О.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Введение в языковедение: хрестоматия: учебное пособие / сост. А. В. Блинов, И. И. Богатырева, В. П. Мурат, Г. И. Рапова. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 76-81.
10. *Кузнецова А. В.* Художественный текст в когнитивной парадигме: семантическое пространство и концептуализация // European social science journal. Рига – Москва, 2011, № 5. С. 155-161.
11. *Кузнецова А. В.* Феномен билингвального художественного текста: семантико-прагматический статус // Вестник ПГЛУ. Пятигорск, 2012. № 1. С. 80-84.
12. *Пивоев В. М.* Ирония как феномен культуры. Петрозаводск: Петрозав. гос. ун-т., 2002. 106 с.
13. *Самыгина Л. В.* Ирония как метатекстовый феномен в рассказах С. Довлатова. Дисс. ... канд. филол. н. Ростов-на-Дону, 2013. 212 с.
14. *Muecke D.* The Compass of Irony. London: Methuen & Ltd..., 1969. 276 p.
15. *Hutcheon L.* Irony's edge. The theory and politics of irony. N.Y., 1994.